

СТОИЧЕСКИЙ КОСМОПОЛИТИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

П. ЭЛИОПУЛОС

Термин «космополитизм» происходит от греческих слов «космос» — Вселенная и «политэс» — гражданин. Соответственно, космополит — это гражданин мира. Диоген Синопский, философ школы киников, который, вероятно, ввел в употребление это слово, отвечал, когда его об этом спрашивали: «Я гражданин мира» (κοσμοπολίτης)¹. Стоики в дальнейшем проработали эту тему, опираясь, прежде всего, на идеи «присвоенности» (οἰκειώσις) и «сочувствия», вытекающие из их физики. Так, Эпиктет защищает космополитизм, исходя из предположения, что человек родственен богам, в то время как Марк Аврелий подчеркивает общность свойств ума людей и их природную способность к совместному проживанию².

В работе «О сотворении мира» Филона Александрийского космополит определяется как человек, направляющий свои действия соответственно воле природы, а именно, закону «космополиса» (οἶκος ἀντὶ καὶ πόλις ὁ κόσμος)³. Этот закон, согласно стоикам, есть истинный разум природы, т.е. священный закон. Человек является гражданином космоса лишь тогда, когда он находится в согласии со священным законом, который есть не что иное, как естественный закон, обнаруживаемый в человеке в форме сознания и правильного мышления. В этом докладе я отстаиваю взгляд, согласно которому, хотя стоики и определяли космополита как человека, для кого космос — это дом (οἶκος), как гражданина гигантского полиса, управляемого Богом, или Логосом, и потому гражданина в пассивном состоянии бытия, наслаждающегося потенциальными правами или благами, дарованными природой, но в то же время космополит — это существо энергичное, постоянно выражающее свое мнение и согласие, это личность на пути к мудрости, укрепляющая свои связи с другими существами, начиная с «присвоенности» и заканчивая человеколюбием.

Гиерокл, философ-стоик, иллюстрировал идею присвоенности через ее сходство с системой концентрических кругов, охватывающих человеческое существо⁴. Первый круг заключает в себе самого человека, его душу и тело. Второй круг заключает родителей, друзей и родственников. Внешние круги включают в себя еще большее количество людей, а последний круг охватывает весь человеческий род. Долг человека в связи с этим — присваивать, притягивать круги как можно ближе к себе, сокращать круги в сторону центра, которым является он сам. Это описание присвоенности предполагает понимание термина «τὸ οἰκειοῦσθαι», указывающего не только на признание того, что принадлежит тому или иному существу,

«τὸ οἰκεῖον», но также и на постоянное стремление к самосохранению и высшему возможному благу. Забота о себе, забота о других — часть естественного и разумного порядка вещей, и в силу естественности и рациональности это является нашим долгом. Первоначально это и есть то, что объединяет людей в их политической сопричастности друг другу.

Во «Фрагментах» стоики признают гражданином только того, кто «σπουδαῖος», «σοφός», т.е. кто зрел, добродетелен и мудр⁵. Эта коннотация предполагается, поскольку добродетельный человек — это человек, наделенный способностью правильно мыслить; поэтому быть гражданином со стоической точки зрения — значит жить в согласии с разумом, логосом. Только разумные существа могут быть гражданами мира⁶, и стоики расценивают и богов, и людей как граждан этого универсального полиса, как существ, подчиняющихся общему закону космоса. Особое внимание стоики обращают на отдельные аспекты закона. Их точное определение полиса таково: «...благоустроенное государство — это упорядоченная совокупность людей, направляемых законом»⁷. Дион Христом писал, что гражданская власть — это провидение, существующее для людей и согласное с законом⁸, подобно тому, как священный закон также есть провидение для всех людей. Эта аналогия характеризует намерение стоиков установить тесную связь между тем, что происходит в человеческом космосе и тем, что происходит в природном космосе, поскольку первый является продолжением второго. Закон и справедливость — условия совместной жизни. Цицерон в трактате «О законах» отмечает: «И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме. Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине»⁹. Следуя теориям Платона и Аристотеля, стоики утверждают, что телосом этого полиса является *эвдемония* (благоденствие). Тем не менее, в отличие от Платона и Аристотеля, они не считают, что гражданин принадлежит какому-то одному полису в узком смысле, т.е. определенному теми или иными территориальными границами. По Зенону из Китиона, мировое государство должно разрушить национальные границы, так чтобы осталось только одно гомогенное государство. Стоический город богат и самодостаточен, это пространство жизни, универсальное совместное проживание. [...] И этот порядок существует в согласии с *природой, разумом и добродетелью*. Следовательно, космополит — это человек, не имеющий

мыслей и не предпринимающий действий, которые нарушают этот трехчастный порядок.

Хотя стоики и признают, что по причине космического соперничества и присвоенности каждый человек должен осознавать свою связь с другими людьми, в то же время у них имеется и глубокое понимание сложностей, возникающих в этом вопросе. Стоический космополит — это не скиталец, или путешественник, перемещающийся с места на место, и не искатель политической дружбы. Это личность на пути к мудрости, ищущая правильных рассуждений и свободы от тирании чувств. Практическая сторона вопроса состоит в следующем: как космополитизм в качестве образа жизни может не препятствовать индивидуальным поискам добродетели и мудрости? Является ли привязанность людей друг к другу всегда осознанной и необходимой, и сможет ли она сохранить стоику невозмутимость? Мыслители, подобные Марку Аврелию¹⁰, указывают и на более серьезные препятствия: «Для моей воли воля ближнего столь же безразлична, как тело его и дыхание. Ибо хотя мы явились на свет прежде всего друг ради друга, однако ведущее каждого само за себя в ответе. Иначе порок ближнего был бы злом для меня, а не угодно было Богу, чтобы я мог быть несчастлив от кого-то, кроме себя самого»¹¹. По-видимому, Марк Аврелий говорит здесь о том, что хотя причастность указывает на процесс сближения с другими людьми, в то же время это означает, что каждый человек существует отдельно от другого. В действительности же вся Стоя настороженно относится к тому, что касается влияния на душу человека со стороны других людей. Правильные рассуждения могут стать нечеткими, спутанными, и страсти могут овладеть человеком. И даже хуже, общество других людей может направить жизнь по ложному пути, лишит ее настоящей ценности. Сенека, римский стоик, отстаивает эту идею в работе «О счастливой жизни»: «Пока мы суетливо бродим без проводника, прислушиваясь к шумихе вздорных криков, манящих нас к разным соблазнам, жизнь пропадает даром среди заблуждений... Главнейшая наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали, подобно скоту, за вожаками стада, чтобы мы шли не туда, куда идут другие, а туда, куда повелевает долг. Величайшие беды причиняют нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречаются большое сочувствие и находят много последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие... Когда во время крупного поражения происходит всеобщая давка, никто не может упасть так, чтобы не увлечь за собою другого, находящиеся же впереди причиняют гибель следующим за ними»¹².

Из этих текстов явственно следует, что присущие человеческому духу недостатки и грехи указывают не только на индивидуальные случаи смятения души, но и на социальные несчастья, общие всем

людям. Более того, они имеют склонность умножаться и распространяться вместе с развитием общества. Так, толпа способна катализировать пагубное влияние, которое может испытать отдельный человек, ищущий мудрости и эвдемонии. Это создает серьезное препятствие для равного сосуществования людей, и на этой основе, как представляется, идея космополитизма вступает в противоречие с самой собой. Как можно вести образ жизни, достойный философа, каким его видят стоики, если человеку грозит опасность в любой момент подпасть под влияние людских мнений? Ответ кроется в качественном различии между бытием в толпе и бытием толпой. Во «Фрагментах» Климент придерживается взгляда стоика Клеанфа на толпу (*πλήθος*), которой приписывает неспособность судить хорошо, справедливо или разумно¹³. То же качественное различие можно выявить между сообществом как собранием людей и сообществом как собранием людей и богов, ведь для стоиков политическая дружба начинается на уровне морали.

Стоический мудрец остается привязанным, преданным сообществу постольку, поскольку разум полагает это сообразным его природе. В этом разум также видит долг (*καθήκον*) человека — помогать другим людям. Было правильно подмечено, что долг помогать другим уходит своими корнями в концепцию космополиса, в котором все люди являются его жителями, что не предполагает конституирования прав¹⁴. Поэтому побуждение к человеколюбию основано на индивидуальной воле ее носителя и не подчиняется внешнему, формальному пониманию справедливости или правосудия. Человеколюбие определяется как сердечное отношение к людям¹⁵. Эта вовлеченность мудреца в общественные или публичные дела неизбежно ведет к принятию стоиками политической практики (*πράξις*), хотя и не безусловно¹⁶. Отход от политики позволителен главным образом в ситуации, когда стоик не может повлиять на принятие решений или на действия, предпринимаемые не на высоком моральном уровне. Иными словами, стоик делает выбор в пользу отхода от политической деятельности для того, чтобы защитить состояние апатии и атараксии, чтобы общественные дела не могли повредить его нравственности и мудрости. Персональная этика занимает самое высокое положение в аксиологической шкале Стои; мудрец должен защищать себя в первую очередь от порока и глупости.

И хотя мудрец не станет жертвовать своим внутренним совершенством в угоду шуму толпы, он, тем не менее, остается открытым для проявления заботы в форме дружбы или человеколюбия. Эпиктет придерживается позиции, согласно которой даже в случае ограничения взаимодействия с внешним миром и сосредоточения на своем собственном мире, в пользу которого человек сделал сознательный выбор (*προαίρεσις*), он остается способным на дружбу¹⁷. Дружба для

Эпиктета — естественное явление, если человек сосредоточен на добре, если он идет вслед правильным рассуждениям. Подобным же образом древние стоики заключают, что дружба возможна лишь среди тех, кто добродетелен, кто осилил дорогу мудрости¹⁸.

Сенека выступает за то, чтобы люди активно интересовались жизнью других людей с тем, чтобы лучше узнать их истинную ценность и достоинства, основанные на добродетели, а не на внешних благах. Поскольку добродетель завершает любую аксиологическую систему и рассматривается как единственный аксиологический конституирующий элемент, постольку из этого следует, что для такой дружбы может быть лишь одно предварительное условие — добродетель. Другими словами, равные отношения между людьми существенным образом конституируются добродетелью. Поэтому человек перестает искать в своих друзьях богатства, власти или красоты, поскольку все это безразлично и не имеет отношения к добру, не составляет его существа¹⁹. По мнению Сенеки, дружба созвучна нормам природы, эйкуменическому закону²⁰.

Для Зенона космополис представляет собой исключительный город для мудрецов, тогда как Хрисипп понимает космос как государство для богов и мудрецов. Цицерон полагает, что понятие космополиса относится только к тем, кто живет по канонам естественного закона²¹. Космополитизм, по мнению стоиков (и несмотря на частичное различие между ними во взглядах), это динамичный процесс, а не статичный порядок взаимной интеграции в направлении добродетельной жизни, в которой страхи, желания, удовольствия, лишения и частный интерес перестают существовать. Это кульминация и существенная черта дружбы и человеколюбия, определяющая смысл совместности. Взгляд стоика на космополитизм подразумевает постоянную и системную связь с моральным контекстом. Мыслители Стои отстаивают космополитизм как гуманизм, товарищество, присвоенность, приобщенность, человеколюбие. Забота о других — это в равной мере забота о космосе и о себе, так как космос и собственное бытие наполнены одной субстанцией. Методическое исследование страстей и моральных патологий — это обязательный составной элемент знания, безусловно необходимого для гармоничного сосуществования людей, для принятия другого внутри сообщества, поэтому исследование фокусируется на взаимной заботе членов космополиса.

Стоический космополитизм не аполитичен, хотя он и не фокусируется специально на политической сфере. Первоначальная цель совершенного общества — индивидуальное совершенство, поскольку контекстуальность морального долга, которая определяет индивидуальность, не противоречит космополитизму. С другой стороны, космополитизм — это не предмет для такого изучения, которое

тешит самолюбие исследователя. Это философский образ жизни, ведущий к осознанию того факта, что потребность в правильном мышлении и добродетели (иными словами — в жизни сообразно с природой) — это то, что свойственно всем людям. Отвергать рациональную сторону жизни — значит отвергать человеческую природу как таковую, а следовательно, отвергать связь с другими людьми. Стоики утверждали, что мы являемся космополитами постольку, поскольку мы разумные существа, чей этический статус потенциально равен статусу богов. И если космополитизм — это в своем роде вызов, то этот вызов выражен в идее совпадения рациональной практики, рационального этоса, рационального бытия всех людей в царстве нравственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Диоген Лаэртский*. Сочинения: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. — М., 1986. С. 233.

² См., например: *Stanton G.R. The cosmopolitan ideas of Epictetus and Marcus Aurelius // Phronesis*. 1968. Vol. 13. P. 191. Теоретические размышления Марка Аврелия особенно хорошо позволяют рассматривать космополис не просто как высокий идеал, но как живую реальность, в том смысле, что он позволяет тому, кто еще не достиг мудрости, разделять мирное и заботливое сосуществование, совместное с космосом. См. также: *Sellars J. Stoic Cosmopolitanism and Zeno's Republic // History of Political Thought*. Spring 2007. Vol. XXVIII. № 1. P. 22.

³ См.: *Филон*. О сотворении мира согласно Моисею // Толкования Ветхого Завета / пер. и коммент. А.В. Вдовиченко, М.Г. и В.Е. Витковских, О.Л. Левинской, вступ. ст. Е.Д. Матусовой. — М.: Греко-латинский кабинет М.Ю. Шичалина, 2000. § 142.

⁴ См.: *Ioannis Stobaei anthologii libri duo priores qui inscribi solent Eclogae physicae et ethicae / K. Wachsmuth, O. Hense (Hrsg.)*. 2 Bde. B. 4. — Berlin, 1884 — 1923 (Nachdruck: Berlin: Weidmann, 1958). S. 671 — 673.

⁵ См.: *Sellars J. Stoic Cosmopolitanism and Zeno's Republic*. P. 11. — URL: http://www.academia.edu/1038467/Stoic_Cosmopolitanism_and_Zenos_Republic.

⁶ См.: *Фрагменты ранних стоиков*. Том 3. Часть 1. Хрисипп из Сол. Этические фрагменты. Фр. 337 / пер. и коммент. А.А. Столярова. — М.: Греко-латинский кабинет М.Ю. Шичалина, 1998. С. 130.

⁷ См. там же. С. 129.

⁸ См.: *Dio Crisostom. Discourses*. XXXVI. § 20.

⁹ См.: *Цицерон Марк Туллий*. Диалоги: О государстве. О законах. — М., 1994. С. 96.

¹⁰ Император-стоик не отступает от ортодоксальных стоических взглядов. Он приветствует идею космоса как универсального жилища всех людей (См., например: *Марк Аврелий Антонин*. Размышления. — СПб.: Наука, 1993. С. 34).

¹¹ *Марк Аврелий Антонин*. Размышления. С. 48.

¹² *Сенека*. О блаженной жизни. I // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост., подготовка текста В.В. Сапова. — М.: Республика, 1995. С. 167 — 192.

¹³ См.: Фрагменты ранних стоиков. Том 1. Зенон и его ученики. Фр. 559. С. 195.

¹⁴ См.: *Mitsis Ph. The Stoic Origin of Natural Rights // Topics in Stoic Philosophy / ed. K. Ierodiakonou. – Oxford: Clarendon, 1999. P. 153 – 177.*

¹⁵ См.: Фрагменты ранних стоиков. Том 3. Часть 1. Хрисипп из Сол. Фр. 292. С. 113.

¹⁶ См.: *Mitsis Ph. The Stoic Origin of Natural Rights.*

¹⁷ См.: *Эпиктет. Беседы. Книга II / пер. с древнегреч., прим. Г.А. Таронянас. – М., 1997. С. 141 – 144.*

¹⁸ См.: Фрагменты ранних стоиков. Том 3. Часть 1. Хрисипп из Сол. Фр. 631. С. 243.

¹⁹ *Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луциллию. Письмо LXVI (24). – М.: Наука, 1977. С. 116.*

²⁰ Там же. Письмо III (4). С. 7.

²¹ См., например: *Obbink D. The Stoic Sage in the Cosmic City // Topics in Stoic Philosophy. P. 178.*

Перевод Алексея ГУРЬЯНОВА